

един презвитер саномъ, именованъ же Митрофанъ, и другии Прохоръ». Они рассказали о мученичестве и смерти Георгия Нового в Софии как об одном из эпизодов бесконечных страданий поработанного христианского населения Балканского полуострова: «Они же многа сказахъ безбожныхъ оныхъ сквръныхъ срацинь насилия и гонения на християны и поведаша о подвизе и мучении Георгия Новаго».⁴

Существует, как известно, и болгарское житие Георгия Нового, написанное софийским священником Пейо, в доме которого в Софии жил Георгий. Пейо был очень близок к Георгию и был свидетелем преследований, которым подвергался Георгий в Софии, суда над Георгием и казни. Болгарское житие известно в нескольких списках, самый древний из которых относится к 1677 г.⁵ А. И. Яцимирский отмечает, что автор русского жития (Илья) не знал жития, написанного попом Пейо. Образцом для Ильи в его литературной работе, как считает А. И. Яцимирский, служило житие Иоанна Нового Белградского, написанное Григорием Цамблаком. В подтверждение своей точки зрения А. И. Яцимирский приводит ряд параллелей между этими житиями.⁶ Не следует, однако, считать завершенным исследование вопроса о взаимоотношениях русского жития Георгия Нового, написанного Ильей, с болгарскими литературными памятниками, посвященными софийскому мученику, тем более, что это касается одного из интереснейших периодов развития древней болгарской литературы.

В XVI в., во время турецкого владычества, София стала центром оживленной литературной деятельности, здесь сформировались и работали несколько замечательных писателей, самыми значительными из которых безусловно были поп Пейо и Матвей Грамматик. Создававшиеся произведения во многих отношениях были связаны с литературной традицией Тырновской школы патриарха Евфимия. Однако этим не исчерпывается их характеристика. В это время наблюдаются известные тенденции демократизации литературы, ее приближения к жизни, к актуальным вопросам современной действительности. Судьба народа, насилия, чинимые турецкими поработителями, тревога за настоящее и будущее начинают все больше привлекать внимание писателей. И действительно, самые значительные произведения софийских писателей XVI в. вызваны конкретными событиями, происходившими в Софии, и посвящены чрезвычайно важному вопросу — попыткам турок омусульманить болгарское христианское население города. В то время и в той политической обстановке утрата веры была равносильна потере народности. Произведения софийских писателей как раз свидетельствуют о нескольких таких попытках, предпринятых турками в XVI в. Поп Пейо рассказывает о судьбе юноши Георгия, родом из Кратово, вынужденного из-за преследований турок покинуть родные места и поселиться в Софии. Однако и здесь турки пытались привлечь его на свою сторону и омусульманить. Он устоял против домогательства турок, за что был отдан под суд и сожжен на костре в 1515 г. Матвей Грамматик описывает судьбу софийского жителя Николы Нового,

⁴ Там же, стр. 99—100.

⁵ Текст жития по этому списку опубликован Ст. Новаковичем (Служба и живот светого зурна Кратовца. — Гласник Српског ученог друштва, XXI, Београд, 1867, стр. 97—156); два позднейших списка опубликованы А. Гильфердингом (Болгарское житие Георгия Нового Софийскаго. — ЛЗАК, 1862—1863, вып. второй. СПб., 1864, стр. 1—24); П. Динековым (Софийски книжовници през XVI век. 1. Поп Пейо. София, 1939, стр. 57—76).

⁶ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 457—461.